
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

THE ECONOMIC THEORY

УДК 338.2
ББК 65.050.11
Е 74

Ал.А. Ермоленко

Доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики Южного института менеджмента, г. Краснодар. Тел.: (861)233-88-59, e-mail: ermolenko_alex@inbox.ru

Анд.А. Ермоленко

Кандидат экономических наук, научный сотрудник Южного института менеджмента, г. Краснодар. Тел.: (861) 233 88 59, e-mail: ermolenko_andrew@inbox.ru

Крутизна движения России (Рецензирована)

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена крутизны, характерного для траектории движения неоднородных экономических систем, которые складываются в процессе длительных и глубоких социально-экономических трансформаций. В исследовании реализована методология системного подхода.

Ключевые слова: крутизна; модернизация; неоднородная система.

Al.A. Ermolenko

Doctor of Economics, Professor, Head of Economy Department, Southern Institute of Management. Krasnodar. Ph.: (861) 233 88 59, e-mail: ermolenko_alex@inbox.ru

And.A. Ermolenko

Candidate of Economics, Scientist of Southern Institute of Management. Krasnodar. Ph.: (861) 233 88 59, e-mail: ermolenko_andrew@inbox.ru

The “croutizna” of movement of Russia

Abstract. The paper sheds light on the research of the steepness characteristic of a trajectory of movement of plural nature economy systems which are formed in the process of long and profound social-economic transformations. The methodology of system approach is realized in the research.

Keywords: “croutizna”; modernization; plural nature system.

Бывают понятия, которые предельно лаконично и точно характеризуют способ жизни людей, а вместе с ним и историческое время. Понятие крутизны, вошедшее в активный общественный оборот около четверти века тому назад, — из их числа. Его смысл применительно к отдельному человеку и атрибутам его жизни раскрывается без особых усилий — демонстративное выпадение из общего ряда, прорыв за

пределы некоторой усредняющей нормы, ставшей неприемлемой для примерившего к себе крутизну человека. Круто — значит в короткий срок завладеть большими деньгами, обогнать на дорогой машине обычные автомобили, перебраться в элитный дом, больше всех потратить на семейное торжество. И не важно, что большие деньги демонстративно противостоят доходной недостаточности соседей, обгонять

приходится по разбитой дороге, элитный дом окружен старыми постройками и обеспечен услугами за пределами изношенного коммунального хозяйства, а демонстративное расточительство вызывает у окружающих, как правило, отнюдь не добрые чувства.

Выпадение из общего ряда не может стать массовым, возвыситься до уровня новой общественной нормы. Крутизна исключительна по своей природе. Человек, у которого «пальцы веером», претендует лишь на индивидуальное, единичное обособление из массы людей, связанных некими общими нитями и правилами. Акцентированная индивидуальность крутизны поражает, иногда злит или вызывает смех, но следует признать, что мы имеем дело с регулярной повторяемостью, то есть воспроизводством единичных проявлений данного феномена. То, что воспроизводится, значимо для исследователя.

Еще более значимо то, что феномен крутизны вышел далеко за пределы отдельных людей и получил развитие практически на всех уровнях организации общественно-хозяйственной жизни России, начиная с домохозяйства и завершая национальной экономикой. Корпорации приобретают права на спортивные клубы и соревнуются, кто больше потратит на контракты с игроками, заранее зная, что их вложения не окупаются и не приносят никакой выгоды. Регионы стремятся выделиться за счет реализации инвестиционных проектов, несоразмерных их доходным возможностям, абстрагируясь от текущих затрат, последующего долгового обременения и др. На макро-уровне российские власти вкладывают многие миллиарды долларов в подготовку и проведение встречи мировых лидеров на восточной окраине страны, ставя во главу угла не ускорение регионального развития, а нечто виртуальное — гипертрофированное представление о престиже власти.

Распространившись на различные уровни организации общественно-хозяйственных отношений, феномен крутизны возвысился до всеобщности, стал существенной характеристикой движения социально-экономической

системы России, что находит следующие формы проявления:

регулярное нарушение практически всеми экономическими субъектами необходимых стандартов, пропорций, правил воспроизводственного процесса, которое дестабилизирует движение общественного хозяйства, обуславливая потребность в постоянном патронаже со стороны государства. С требованиями о предоставлении различных форм поддержки (инвестиционной, налоговой, организационной и др.) к государству обращаются все, кто участвует в рыночных отношениях: регионы, местные хозяйства, крупные корпорации, малые предприятия и индивидуальные предприниматели, домохозяйства. Укрепление и развитие вертикали государственной власти после кризиса 1998 г. стало ответом на общую хозяйственную неустойчивость как результат рыночных преобразований. Необходимость как-то стабилизировать воспроизводство обусловила создание под эгидой государства огромных национальных резервов, которые, однако, были выведены за рамки законодательного и общественного контроля, переведены в иностранные бумаги, что сделало их ресурсами развития чужих воспроизводственных процессов [1];

— господство затрат над результатами, утверждение демонстративной расточительности в качестве конституирующего признака всех процессов в хозяйственном пространстве России. Такая расточительность была наглядно продемонстрирована в условиях глобальной рецессии, когда отношение затрат к ВВП в рамках политики государственного кризисного регулирования стало рекордным для современного мира (до 65%); при этом в национальной экономике был достигнут более высокий по сравнению со странами ЕС и США спад объемов производства, от которого сильнее всего пострадали отрасли с высокой долей добавленной стоимости (обрабатывающие производства сократили выпуск продукции на 25,5%). Многие предприятия реального сектора так и не получили формально выделенные им и направленные

через банковскую систему средства государственной поддержки [2];

— уродливая функциональная и структурная трансформация национальной экономики, которая выражается в придании ей стратегической ориентации на добычу и продажу природных ресурсов, в последовательном выталкивании ее на отдаленную периферию мирового развития. Для извлечения запасов из природной кладовой слабо востребованы нематериальные инновационные активы и человеческий капитал — доминирующие факторы постиндустриального развития. Поэтому смена курса развития и модернизация в России в основном декларируются, а реальные, подкрепленные инвестициями, шаги предпринимаются в топливно-сырьевом направлении: разрабатываются и финансируются программы разведки и освоения запасов нефти и газа на северном шельфе; строятся новые объекты инфраструктуры доставки природных ресурсов; находятся средства для дальнейшей монополизации энергетического рынка посредством поглощения «Газпромом» и «Роснефтью» конкурентов. В итоге доля высокотехнологичных отраслей промышленности в ВВП России составляет менее 2%, в то время как в Китае она превышает 24% [3];

— институциональная неустойчивость всех отношений, отсутствие механизмов стабилизации и защиты. Каждый шаг хозяйственного процесса осуществляется «на живую нитку», без закрепления его результатов, слабо учитывая опыт предшествующего развития и не составляя серьезных прогнозов. Характерно, что Россия оказалась совершенно не готова к глобальной рецессии 2008—2009 гг., меры кризисного регулирования правительству пришлось разрабатывать и принимать в режиме текущего времени. Институциональная неустойчивость во многом объясняется тем, что основа экономической системы — собственность — в России слабо защищена и трансформируется без учета потребностей развития воспроизводственного процесса, субъекты собственности сменяются в интересах власти. В таких условиях

природные ресурсы, предпринимательский потенциал, рабочая сила и вещественный капитал используются хищнически, функционируют «на износ», без полноценного возмещения;

— существование — под маской частных и государственных корпораций — масштабной «экономики физических лиц», которая ориентирована на теневое использование потока доходов функционирующих организаций в пользу сплоченной группы инсайдеров. Практика показывает, что для успеха важно не акционерное участие, а вхождение в состав контролирующей группы. Соответственно, крутизна отечественных субъектов власти и бизнеса адекватно оценивается не статусными полномочиями или капитализацией, а средствами, которые им удалось вывести из экономического оборота подконтрольных предприятий на офшорные счета и превратить в зарубежную недвижимость, предметы роскоши и другие «долгие дела» [4]. При этом масштабное бегство собственного капитала из России прекрасно сочетается с презентацией массы инвестиционных проектов, поиском внешних инвесторов и наращиванием объема корпоративных долгов;

— разрастание социальных разрывов в обществе, игнорирование принципа социальной справедливости. В данном отношении отечественные государственная политика и хозяйственная практика выглядят самыми «либеральными» в мире, о чем свидетельствует коэффициент Джини и другие индикаторы. Очевидно, что плоская шкала налогообложения доходов физических лиц в России объективно работает на усиление доходной поляризации в обществе, обеспечивая переложение налоговой нагрузки на плечи менее обеспеченной части общества. Но это лишь верхняя часть айсберга разрастающейся социальной несправедливости. Его подводная часть скрыта в социальной сфере. Для «позднего» капитализма характерны тенденция к социализации экономики и активное государственное инвестирование развития человеческого фактора. Крутизна движения современной России

заключается в том, что она движется в противоположном направлении — стремится к приватизации социальной сферы и сворачивает участие государства в инвестировании человеческого фактора. Именно об этом свидетельствуют реальные события в социальной сфере: принятие федерального закона об образовании, открывающего широкие возможности для исполнительной власти делать с образованием все, что ей захочется; постоянное расширение теневого участия граждан в финансировании сферы здравоохранения; сужение доступа к бесплатным источникам информации и т.п. Характерно, что доля сферы образования в расходах федерального бюджета в период с 2012 до 2014 гг. должна снизиться с 4,6% до 3,3%, что обрекает данную сферу — локомотив устанавливающейся в мире экономики знаний — на длительную системную деградацию, подрывающую конкурентоспособность экономики России на перспективу [5].

Как объяснить то, что феномен крутизны в современной России возвысился до всеобщности, превратившись, по существу, в системную характеристику? В данном случае востребовано понятие неоднородной системы, введенное в оборот научного исследования Ж. Сапиром [6]. Сочетание разных типов координации общественно-хозяйственных связей приводит к достаточно длительному сосуществованию и взаимодействию во внутренней среде неоднородной экономической системы (корпорации, домохозяйства, региональной экономической системы, национальной экономики и др.) различных компонентов, в основе которых лежат транзакционный способ связи, командная централизация или какие-то иные способы координации.

Преобразуем понятие неоднородной системы применительно к заявленной научной проблеме. Сам факт длительного сосуществования и вынужденного взаимодействия во внутренней среде такой системы разнородных компонентов и механизмов координации обуславливает массовое продуцирование феномена крутизны субъектами неоднородной системы: общепринятые институциональные нормы подменяются «ориги-

нальными» продуктами собственного нормативного творчества; предлагаются и заключаются необычные контракты, выпадающие из общего рыночного ряда; демонстрируются эпатажные формы поведения; формулируются провоцирующие общество оценки и предложения и т.п. Однако, продуцируя феномен крутизны, рассматриваемая нами система по законам системного развития должна стремиться к преодолению собственной неоднородности, упорядочиванию своей внутренней среды и минимизации феномена крутизны; в противном случае она не сможет обрести устойчивость и закрепиться в мире систем в качестве его «долгожителя».

Однако практика свидетельствует об ином. Вот уже четверть века неоднородная общественно-хозяйственная система России использует различные способы координации связей: транзакционный и командный. Соответственно, в ее внутренней среде сосуществуют и взаимодействуют разнородные компоненты, а субъекты данной системы сотрясают мир своими проявлениями крутизны. В рамках внутреннего противоречия системы соединяются и обеспечивают ее движение те внешние противоположности, которые, казалось бы, не органичны и не способны к длительному и продуктивному взаимодействию.

Два различных способа координации — команда и рыночная транзакция — соединены во внутренней среде неоднородной экономической системы современной России и взаимодействуют там как пара органических противоположностей, что и обеспечивает ее движение. Сколько бы ни существовала такая система, она будет поражать мир своей крутизной:

— проведением зимней Олимпиады в субтропиках с рекордными и нещадно расхищаемыми государственными расходами;

— беспрецедентными масштабами бегства капитала из собственной страны (397,5 млрд. долл. только за 2008 — 2012 гг.);

— восьмисоткратным разрывом между 3% наиболее богатых граждан и 3% наиболее бедных граждан страны;

— интенсивным накоплением недоступных для воспроизводства национальных резервов, которые больше напоминают «гробовые деньги» в условиях острого дефицита средств для модернизации экономики [7].

В исследовании феномена крутизны следует учитывать исключительную роль института власти в отечественной истории. Власть в России испокон веков поднимала одних людей и всецело подчиняла им, даже поработала других людей. Человек, облеченный властью, не только обладал более высоким социальным статусом, но и имел исключительное положение по отношению ко всем остальным людям. Благодаря власти, он поднимался над нормами общественного уклада и практически безнаказанно мог совершать те действия, за совершение которых «простые» люди привлекались к суровой ответственности. Наказать его мог лишь властитель более высокого ранга, доступ к которому был ограничен. Фактическая безнаказанность облеченных властью людей, институционально закрепленная в общественном сознании и обычаях, опирается на механизм межгруппового компромисса [8]. Раскроем его содержание.

Поскольку власть так или иначе распределена в обществе, то между ее соискателями идет постоянная борьба за влияние, которая каждый раз оканчивается утверждением определенной структуры власти, то есть установлением некоторого равновесия: большинство участников борьбы за власть признали позиции и статусы друг друга, оформили между собой совокупность гласных или негласных компромиссов. Общую основу, платформу для таких компромиссов обеспечивала историческая преемственность системы власти — в истории России это в основном самодержавие.

Однако дважды на протяжении XX века такая платформа разрушалась и дважды, по существу, на «живую нитку» в России заключался своеобразный общественный договор о распределении властных полномочий, который становился эрзац-эквивалентом установления «нормальных» правовых

норм. В первом случае понадобились два десятилетия для того, чтобы власть «диктатуры пролетариата» подвела под себя хотя бы формальное конституционное основание. Реально же групповая «классовая целесообразность» господствовала над декларируемыми нормами права вплоть до конца 80-х гг. XX века. В дальнейшем на смену «классовой целесообразности» пришла целесообразность первоначального накопления финансового капитала.

Если в советский период проявления крутизны отдельных субъектов власти, их выпадения из социалистического общественного договора регулировались с помощью партийной идеологии, то после 1991 года сложилась совершенно иная ситуация. Эрзац-нормы общественного договора о распределении власти в условиях первоначального накопления финансового капитала не подкреплены никакой идеологией, их исполнение гарантируется силой той сложившейся группы людей, которая взяла верх, обеспечила за собой контроль над главными процессами современной финансовой экономики — движением денежных потоков. При этом первичное распределение «контрольных точек» над финансовыми потоками — приватизация — при формальном закреплении его результатов за прошедшие два десятилетия неоднократно подвергалось фактическому пересмотру, поскольку распались контролирующие группы, не имевшие достаточно прочного стержня. Неустойчивость межгруппового взаимодействия обуславливает потребность в некоторой фигуре «национального лидера», стоящей над всеми группами и обеспечивающей согласование их интересов. Преодолевая межгрупповые конфликты, а также крайние проявления корпоративной и индивидуальной крутизны, «национальному лидеру» в отсутствие эффективных норм и встроенных регуляторов приходится часто прибегать к механизмам «ручного управления». Что ж, Россия, по своему примеряясь к условиям финансовой экономики, проходит тот общий путь формирования совокупного

общественного капитала и построения системы буржуазной власти, который неизбежен для любой страны с централизованной экономикой, инициировавшей рыночные преобразования.

На этом пути складывается общественный механизм «демократии сверху», поскольку контролирующие группы слабо учитывают интересы обычных, не включенных в такие группы людей, предпочитая манипулировать ими в периоды проведения избирательных компаний. Соответственно, общественный порядок устанавливается и обеспечивается в рамках узких межгрупповых компромиссов, на которые никак не влияют низы общества, регулярно попираемые в своих правах, лишь формально обозначенных в Конституции. Такова социально-политическая платформа феномена крутизны в современной России.

Описанная «демократия сверху» существует не в изолированном варианте, а в глобальном пространстве интеграции социально-экономических отношений. Участникам межгрупповых компромиссов приходится считаться с международными нормами и оценками, что ведет к постепенному расширению круга участников формирования норм права. В результате укрепления внутреннего и международного авторитета политических групп, действующих в пространстве России, усложняются и установленные в результате межгрупповых компромиссов правила, возникают необходимые социальные противовесы. Этому способствует социальная структуризация, формирующая новые общественные группы, претендующие на участие в согласовании интересов. Вместе с тем, расширяется социальная база власти, что снижает вероятность произвола какой-то одной группы по отношению к другим группам. Соответственно, сужается социально-политическая платформа феномена крутизны. Отметим, что для такого сужения необходимо историческое время, мерой которого служат не годы, а поколения людей.

Насколько глубоко исторические корни исследуемого нами феномена? Крутизна в той или иной мере была

присуща многим индивидуальным субъектам и группам в различные периоды истории России, поскольку они стремились вырваться из порабощающей общественной связи, стать свободными, зачастую не имея для этого ни малейших предпосылок и руководствуясь плохо понятыми, но такими притягательными примерами. Великолепным образцом такой крутизны индивидуального поворота судьбы может служить ответ Владимира Ульянова полицейскому чиновнику, объяснявшему молодому арестанту, что перед ним — стена, на которую бессмысленно бросаться: стена, да гнилая, ткни — и развалится.

Разваливая гнилые стены централизованного хозяйства, в 90-е гг. XX века на необъятные российские просторы вырвалась стихия той же самой природы, что и конце предыдущего века, а также в 1917 году. Разрушая и сея хаос, такая стихия всегда несет в себе скрытые зерна будущего порядка, который устанавливается после того, как она схлынет. Пример сталинского «усмирения» революционной России в 30-е гг. XX века показывает, каким бывает такой порядок. Оценивая демонстративное расточительство отечественных нуворишей в самых дорогих местах отдыха мировой элиты, покупки ими самых престижных спортивных клубов и яхт, инвестирование миллиардов долларов в самую дорогую в мире недвижимость, осуществление сверхзатратных проектов ради престижа власти, необходимо помнить, что все эти проявления крутизны преходящи; они не стоят ничего по сравнению с объективными потребностями в модернизации экономики России, осуществлении масштабных проектов «новой индустриализации», инвестировании развития человеческого фактора.

В своих основных чертах современные фигуранты российской крутизны были описаны еще в русской классической литературе. М. Лифшиц отмечает, что образ бурсака, проявляющего свою личность бессмысленным расточением общественных средств, презирающего казенную науку, которой его насильно обучают, и знающего тысячи хитростей

для уклонения от нее, отравленного чувством мести к обществу, опасного в своем произволе, коварстве и ничтожном властолюбии, имеет всемирно-историческое значение [9]. Добавим к этому: перед нами исторический тип, позволяющий понять, от кого происходят современные «герои Куршавеля» и «реформаторы науки и образования».

Идея крутизны (обособления от существующих общественных связей, накопления потенциала свободного от общества развития и реализации блестящей индивидуальной траектории) рождается в головах какой-то части людей и часто кажется совершенно случайной. Но такая идея появляется у людей с определенным уровнем развития и личными амбициями вполне закономерно: ослабление и разрушение прежних общественных связей толкает их к абсолютизации своего «я», своей самостоятельности в преобразующемся, предельно неустойчивом, открывающем огромные возможности мире.

Крутизна предполагает полную нестабильность, когда кажется возможным все, осуществимы самые смелые желания. Преимущество отброшено, связи разорваны, есть возможность достигнуть невиданных ранее результатов, но их вряд ли удастся закрепить, получить еще раз, да они и не рассматриваются как результаты воспроизводства. Нет опоры, все зыбко. Поэтому для крутой траектории общественного движения столь характерна неосновательность — хронический дефицит стратегических вложений капитала, доведенная до предельного износа инфраструктура, жесткая эксплуатация труда и т.п. Субъекты крутизны каждый день проживают, как последний.

Вместе с тем, при всей отрешенности от устойчивости и репродукции, крутизна, как ни парадоксально, постоянно воспроизводится в отечественной истории через определенные промежутки времени. По всей видимости, она периодически востребована движением России: опричники Ивана Грозного, поднятые царской властью из дворянских низов и безжалостно истребленные той же властью спустя де-

сятилетие; потешные Петра, рекрутированные из различных общественных слоев в целях преобразования России; участники кружков за освобождение рабочего класса, ставшие спустя два десятилетия партией власти коммунистической России; комсомольские активисты времен горбачевской перестройки, овладевшие «командными высотами» финансового капитала и превратившиеся в олигархов — перечень этот открыт. Крутизна прочно прописалась в огромном общественно-хозяйственном пространстве России.

Феномен крутизны заряжен кризисным потенциалом: все, что попадает в его оборот, поляризуется, заостряется, превращается в предпосылки острого конфликта. Крутизна подъема совершенно незаметно переходит в крутизну спуска таким образом, что самим участникам движения не разобрат, поднимаются они или падают. Характерно, что перед самым кризисом 2008—2009 гг. российские власти всерьез рассуждали о необходимости сохранения достигнутых высоких темпов роста и надеялись, что экономика страны останется островом благополучия в кризисном мире, что обусловило выбор некорректной траектории развития и разрастание издержек кризисного регулирования [10].

Субъекты крутизны ориентированы преимущественно на разрушение; созидание дается им хуже. В ряду их исторических свершений — разрушение индустриальной «несущей конструкции» всей российской жизни в 90-е гг. За каких-то десять лет страна была «освобождена» от тысяч промышленных предприятий, оказавшихся перед необходимостью осуществления новой индустриализации. Повторение «Великого перелома» в условиях постиндустриальных преобразований невозможно: «Опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научались из истории и не действовали согласно урокам, которые из нее можно было бы извлечь. Каждой эпохе свойственны столь своеобразные обстоятельства, она представляет собой столь индивидуальное состояние,

что только исходя из него самого, основываясь на нем, должно и единственно возможно судить о ней» [11, с. 281—282].

Крутизна движения современной России подводит нас к некоторой точке перелома, за которой — задачи реальной модернизации общественно-хозяйственной

системы страны, преодоления накопленной отсталости, сближения разорванных на крутой траектории противоположностей, их продуктивного синтеза. Для их решения востребованы иные субъекты, механизмы, нормы, контракты, ориентированные не на «выпадение из общего ряда», а на творческое созидание.

Примечания:

1. Двадцатилетие российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном) // Мир перемен. 2012. №1. С. 5-26.
2. Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М.: Магистр ИНФРА-М, 2012. 246 с.
3. Иноземцев В.Л. Комиссия по организации похорон. Модернизировать российскую экономику призваны те, кто завел ее в тупик // Россия. 2009. 28 мая.
4. Клейнер Г.Б. Системная парадигма и теория предприятия // Вопросы экономики. 2002. №10. С. 46-54.
5. Колганов А.И. Экономика для человека: тез. к разработке стратегии развития России // Альтернативы. 2013. №1. С. 8-20.
6. Сапир Ж. К экономической теории неоднородных систем: опыт исследования децентрализованной экономики. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2001. 248 с.
7. Жуковский В.С. Банк России по-прежнему блокирует модернизацию и развитие национальной экономики // Российский экономический журнал. 2012. №5. С. 48-64.
8. Сото Э. де. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М.: Олимп — Бизнес, 2004. 272 с.
9. Лифшиц М.А. Нравственное значение Октябрьской революции // Российский экономический журнал. 2012. №5. С. 3-33.
10. Дзарасов Р.С. Российский капитализм: анатомия эксплуатации // Альтернативы. 2010. №4. С. 33-46.
11. Ленин В.И. Философские тетради // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 29. М.: Политиздат, 1973.

References:

1. The twentieth anniversary of the Russian reforms in estimates of economists and sociologists (twenty theses about the main thing) // The World of changes. 2012. No. 1. P. 5-26.
2. Grinberg R.S. Freedom and justice. Russian temptations of a false choice. M.: Magistr INFRA-M, 2012. 246 pp.
3. Inozemtsev V.L. Commission on the organization of a funeral. Those who led Russian economy up a blind alley are urged to modernize it //Russia. 2009. May 28.
4. Kleyner G.B. System paradigm and enterprise theory // Economy Questions. 2002. No. 10. P. 46-54.
5. Kolganov A.I. Economy for the person: abstract on elaboration of strategy of development of Russia // Alternatives. 2013. No. 1. P. 8-20.
6. Sapir J. On the economic theory of non-uniform systems: experience of research of the decentralized economy. M.: GU VShE Publishing House, 2001. 248 pp.
7. Zhukovsky V.S. Bank of Russia still blocks modernization and development of national economy // The Russian Economic Journal. 2012. No. 5. P. 48-64.
8. Soto E. De. Capital riddle. Why capitalism triumphs in the West and suffers a defeat in all other world. M.: Olymp — Business, 2004. 272 pp.
9. Lifshits M.A. Moral value of October revolution //Russian Economic Journal. 2012. No. 5. P. 3-33.
10. Dzarasov R.S. Russian capitalism: exploitation anatomy // Alternatives. 2010. No. 4. P. 33-46.
11. Lenin V.I. Philosophical writing-books // Lenin V.I. Complete collection of works. V. 29. M.: Politizdat, 1973.